

ДАНИЭЛА СТИЛ

Джонни-Ангел

ЭКСМО

Даниэла Стил Джонни-Ангел

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605275

Даниэла Стил. Джонни-Ангел: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-41853-4

Оригинал: Danielle Steel, "Johnny Angel"

Перевод:

Владимир А. Гришечкин

Аннотация

Захватывающая история о материнской любви и сыновней преданности, о встречах и расставаниях, о чудесных дарах и новых надеждах. В ней жизнь торжествует над смертью, а прощение оказывается сильнее пороков и ошибок. Над этой книгой можно смеяться и плакать, а когда будет перевернута последняя страница, вы поймете, что научились любить своих близких еще сильнее.

С помощью одного лишь слова или улыбки семнадцатилетний Джонни был способен победить уныние, наполнить гордостью сердце своей матери и пробудить в окружающих лучшие чувства. Способный, талантливый, успешный, обаятельный юноша с надеждой глядел в будущее, которое представлялось ему безоблачным и счастливым. И ничто не предвещало трагедии...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Даниэла Стил Джонни-Ангел

Посвящается моему ангелу Никки... Я всегда буду любить тебя, и ты навсегда останешься со мной в моем сердце.

Мама

Посвящается Джулии, которая была ангелом Никки и моим...

Я знаю, что сейчас они вместе, что они счастливы и веселы и что их бытие исполнено любви и радости. Как же сильно нам будет не хватать вас обоих и как сильно мы будем тосковать о вас, пока не встретимся снова!

Со всей любовью...

Д.С.

Глава 1

Этот июньский день в Сан-Димасе, отдаленном пригороде Лос-Анджелеса, выдался на удивление ясным и солнечным. И безмятежно-спокойным. Суета и шум гигантского мегаполиса почти не проникали в Сан-Димас, и жизнь городка текла размеренно и мирно. Казалось, огромный Лос-Анджелес находится где-то на другой планете – в сотнях и сотнях световых лет отсюда. Можно было даже подумать, что его вовсе не существует: во всяком случае, дети в Сан-Димасе вели себя именно как дети, а не как одержимые страстями и пороками большого города маленькие взрослые.

Школьные занятия подходили к концу, впереди были летние каникулы, а старшеклассников ожидал выпускной бал, до которого оставались считанные дни. Произнести благодарственную речь на официальной церемонии было поручено лучшему ученику выпускного класса Джонни Петерсону, звезде легкоатлетической и футбольной сборных школы. Сейчас он стоял на ступеньках школьного крыльца и разговаривал со своей одноклассницей Бекки Адамс, с которой встречался почти четыре года. Вместе с ними были еще несколько их школьных товарищей, но Джонни смотрел только на Бекки. Каждый раз, когда их взгляды встречались, он слегка подавался в ее сторону, словно притягиваемый невидимым магнитом. И каждое такое его движение – равно как и выражение лица – со всей очевидностью выдавало тайну, какую хранят многие молодые люди в этом возрасте, – Джонни и Бекки были влюблены друг в друга. В последний год они стали близки, но и до этого года два были неразлучны. Это была настоящая школьная любовь, когда молодой человек и девушка лелеют в душе надежду пожениться и быть вместе, как только им исполнится положенное количество лет. Бекки свой восемнадцатый день рождения отпраздновала еще в мае. Джонни восемнадцать должно было сравняться в июле. Тогда он поступит в колледж и осуществит свои планы и мечты.

Густые темно-каштановые волосы Джонни блестели на солнце, а в карих глазах вспыхивали золотые искры. Он был высоким, широкоплечим, прекрасно сложенным юношей с белоснежными зубами и безупречной улыбкой. Именно так хотело бы выглядеть большинство старшеклассников, но мало кому это удастся. Но самым главным было, пожалуй, то, что Джонни был образцовым сыном и отличным парнем. Он прекрасно учился, у него было много друзей, а в выходные и в дни, свободные от тренировок, подрабатывал сразу в двух местах. На работу ему пришлось устроиться, так как в семье, кроме него, было еще двое детей, и родителям не всегда хватало средств, чтобы дать все необходимое детям. Петерсоны, конечно, не бедствовали, и хотя Джонни очень хотелось выступать за профессиональную футбольную команду, он принял решение поступить в колледж штата, где ему предложили стипендию, чтобы изучать бухгалтерский учет. Эту специальность он избрал, чтобы помогать отцу, у которого была небольшая аудиторская фирма. Правда, Петерсона-старшего бухгалтер и аудиторские проверки особенно не вдохновляли, но дело есть дело. Сам же Джонни не имел ничего против: математика давалась ему легко, да и блестящее знание компьютера могло оказаться существенным подспорьем на этом поприще. Что касалось его матери Элис, то она когда-то была медсестрой, но оставила работу, посвятив себя заботам о младших детях. И это оказалось совсем непросто – особенно в последние несколько лет. Сестре Джонни Шарлотте было четырнадцать, с ней-то как раз никаких проблем не возникало. Сложности были с девятилетним Бобби, требовавшим особого подхода, и Элис делала все, что было в ее силах.

Словом, у Джонни была обычная, хотя и не богатая семья. Бекки в этом отношении повезло меньше. У нее было четверо младших братьев и сестер и мать. Отец Бекки погиб два года назад в результате несчастного случая на строительстве, и это нанесло семье чув-

ствительный удар. Главной проблемой семьи Адамс были деньги – их постоянно не хватало, и Бекки вынуждена была устроиться на работу. Как и Джонни, она работала в двух местах, и ей было довольно сложно совмещать работу с учебой, но Бекки старалась как могла, ведь ее семья остро нуждалась в каждом долларе, заработанном ею и старшим из ее братьев. К сожалению, колледж штата не мог выделить ей стипендию, так как в отличие от Джонни школьные успехи Бекки были достаточно скромными, однако она не слишком горевала по этому поводу. После школы она планировала год-другой поработать в городской аптеке на полную ставку, а уж потом – если все будет складываться удачно – попытаться поступить в колледж. Работать ей, впрочем, нравилось; кроме того, Бекки любила своих братьев и сестер и гордилась тем, что может помочь им и матери своим заработком. Отцовская страховка оказалась очень небольшой, и в последние полтора года ее семья остро нуждалась. Джонни был в жизни Бекки самой большой радостью.

Бекки Адамс была очень хороша собой. У нее были густые светлые волосы, голубые, как летнее небо, глаза, стройная фигура и длинные ноги. Джонни она любила давно, любила всей душой и всем сердцем. То обстоятельство, что вскоре он начнет учиться в колледже и, возможно, встретит там других девушек, ее не беспокоило, потому что она знала – Джонни тоже любит ее. Все одноклассники в один голос твердили, что они – идеальная пара, и они выбирали любую свободную минуту, чтобы быть вместе. Джонни и Бекки постоянно видели вместе: они разговаривали, шутили, смеялись и, кажется, никогда не ссорились. И ничего удивительного в этом не было, потому что они были не только «парой» или «парочкой», но и близкими друзьями. Возможно, именно по этой причине у Бекки было сравнительно мало подруг – меньше, чем могло быть, учитывая ее покладистый доброжелательный характер, – но она почти никогда об этом не задумывалась. Главным в жизни был для нее Джонни. Они вместе отправлялись на занятия и почти каждый день встречались по вечерам после работы или после его тренировок. При этом ни Джонни, ни Бекки не забывали ни об учебе, ни о своих обязанностях по дому, поэтому их родители не возражали против того, что они проводят вместе столько времени. А в последний год их и вовсе почти не видели отдельно друг от друга.

Стоя с одноклассниками на школьном крыльце, они говорили, конечно же, о выпускном вечере. Никто, кроме них двоих, не знал, что за бальное платье Бекки Джонни заплатил из собственных заработков. В противном случае Бекки вряд ли бы смогла пойти на выпускную вечеринку – в последние месяцы с деньгами у Адамсов было совсем неважно. И теперь каждый раз, когда она смотрела на своего возлюбленного, в ее взгляде светились благодарность и любовь, какие редко можно встретить в наш век.

– Ладно, ребята, мне пора. Нужно на работу, – сказал наконец Джонни, улыбаясь своим друзьям. В последний год он работал в местной деревообрабатывающей компании, где занимался учетом и сортировкой поступающей древесины, а порой и сам вставал к пилораме. Работа была тяжелой, зато и зарабатывал Джонни неплохо, а по выходным он помогал отцу в его фирме. Бекки некоторое время работала в аптеке; в следующем месяце она переходила на полный рабочий день, поэтому ей пришлось отказаться от места официантки в ближайшем к школе кафе. Работать в одном месте было, конечно, проще, да и в деньгах она ничего не теряла. Что касалось Джонни, то летом он тоже планировал работать на лесопилке на полную ставку, чтобы заработать как можно больше денег перед колледжем. Не собирался он и бросать футбол, хотя совмещать тренировки и игры с работой было непросто.

– Идем, Бекки, – добавил он и потянул свою подругу за руку, чтобы оторвать ее от девчонок, продолжавших оживленно обсуждать, что они наденут на выпускной. Для большинства из них окончание школы было концом целой эпохи, мечтой, которая наконец-то сбылась. Для Бекки с Джонни выпускной тоже был далеко не рядовым событием, зато им, в отличие от остальных, не надо было ломать голову над тем, кого пригласить себе в пару на

выпускной бал. Их отношения были надежными и прочными, и в них они черпали уверенность. Даже учеба в старших классах давалась им намного легче, чем остальным, потому что каждый из них мог рассчитывать на помощь и поддержку другого.

В конце концов Бекки все же удалось оторваться от подруг. Откинув назад длинные светлые волосы, она быстро зашагала вместе с Джонни к его машине. Оба их школьных рюкзака были уже у него в руках. Закинув рюкзаки на заднее сиденье, Джонни взглянул на часы.

– Хочешь, заедем за твоими? – предложил Джонни. Он имел в виду братьев и сестер Бекки, которые учились в соседней школе. Ему нравилось помогать людям, поэтому он довольно часто предлагал подруге разные мелкие услуги.

– А у тебя есть время? – спросила Бекки. К подобным предложениям с его стороны она привыкла, к тому же в глубине души они оба не просто знали, что когда-нибудь пожениятся – Бекки и Джонни уже чувствовали себя супружеской парой, и многие повседневные заботы давно стали для них общими. Бекки и Джонни никогда не говорили об этом вслух; это была одна из тайн, которые связывали их в последние годы, да и слова им были не особенно нужны. Они были настолько близки, что прекрасно обходились и без слов.

– Конечно, для тебя у меня всегда есть время, – улыбнулся он, и Бекки, привычно скользнув на пассажирское сиденье, включила радио. О том, какую станцию слушать, даже разговора не возникло: им нравилась одна и та же музыка, одни и те же люди, одна и та же еда. Бекки любила смотреть, как Джонни играет в футбол, а ему нравилось танцевать с ней и подолгу разговаривать по телефону вечером после работы. Правда, он частенько заезжал к Адамсам по дороге домой, однако даже в такие дни Джонни обязательно звонил ей поздно вечером после того, как заканчивал делать домашние задания. Мать Джонни даже называла их с Бекки «сиамскими близнецами», которые, как известно, не могут жить друг без друга даже после хирургического разделения.

Школа, в которой учились младшие братья и сестры Бекки, находилась в четырех кварталах. Когда Джонни подъехал к воротам, все четверо уже ждали во дворе, и Бекки махнула им рукой. Орава юных Адамсов бросилась к машине и набилась на заднее сиденье, как только сестра открыла дверь.

– Привет, Джонни! – хором сказали мальчишки, а старший, двенадцатилетний Питер, вежливо поблагодарил приятеля сестры за то, что тот заехал за ними. Все младшие Адамсы были славными, воспитанными детьми. Марку было одиннадцать, Рейчел – десять, а самой младшей Сэнди – семь. Жили они очень дружно и до сих пор скучали по отцу. Им всем его не хватало – даже Сэнди, которая отца помнила весьма смутно. После его смерти все заботы о детях легли на плечи матери, которой приходилось много работать, чтобы прокормить семью. От горя и забот Памела Адамс выглядела на добрый десяток лет старше своего возраста. Подруги не раз советовали ей начать встречаться с каким-нибудь подходящим мужчиной, но она только смотрела на них как на сумасшедших и отвечала, что бегать на свидания у нее нет времени. Но дело было не только в этом. Бекки догадывалась, что ее мать до сих пор продолжает любить своего погибшего мужа, с которым была знакома еще со школы, и ей претит даже мысль о том, чтобы встречаться с кем-то другим.

Когда Джонни довез все семейство до дома, Бекки поцеловала его на прощание, а он в ответ взмахнул рукой и умчался. Проводив взглядом удаляющуюся на полной скорости машину, Бекки с братьями и сестрами направилась в дом, усадила всю ораву за стол, а сама стала собираться на работу. Ее мать должна была вернуться только через два часа – она руководила местной школой парикмахеров и часто не успевала вовремя приехать домой, чтобы накормить детей обедом. Памела Адамс по-прежнему оставалась приятной и миловидной женщиной, несмотря на все удары судьбы. Ей и в самом страшном сне не могло привидеться, что она останется одна с пятью детьми.

Вечером Джонни снова постучал в дверь дома Бекки. Выглядел он усталым, но довольным. Он немного посидел с Бекки на кухне, съел сэндвич, поболтал с Памелой, пошутил с детьми и около десяти отправился домой. Как и всегда, его дни были до предела заполнены событиями и делами.

– Просто не верится, что вы уже закончили школу. Кажется, еще недавно вам было по пять лет и вы на Хэллоуин ходили по домам и требовали угощение, – сказала с улыбкой Памела, когда Джонни поднялся с низенькой кухонной скамейки. Он был довольно высок, в средней школе Джонни успешно играл в баскетбол, но потом увлекся футболом и легкой атлетикой. Спокойный, работающий, он очень нравился Памеле, и она надеялась, что когда-нибудь Джонни с Бекки поженятся. И она горячо надеялась, что Джонни будет жить долго – дольше, чем ее покойный муж. Свой брак Памела считала удачным и скорбела только о том, что Майк так рано оставил ее вдовой.

– Спасибо тебе за платье для Бекки, – негромко добавила она. Памела была единственной, кто знал о его подарке. Даже своим родителям Джонни ничего не сказал.

– Оно ей очень идет, – воодушевился Джонни. Он сам не видел ничего особенного в своем поступке, и его смущала благодарность Памелы. – Думаю, у нас будет чудесный вечер, – добавил он. Джонни заказал к платью и букетик цветов, который Бекки должна была прикрепить к корсажу, но сейчас он не стал об этом упоминать.

– Я тоже на это надеюсь. Мы с Майком обручились на нашем выпускном, – мечтательно проговорила Памела. В ее словах не было никакого намека, просто она вспомнила о своей счастливой молодости. В том, что отношения Джонни и ее дочери закончатся браком, она не сомневалась. На это указывал весь ход событий, в такой ситуации обмен кольцами казался необязательной формальностью.

– До завтра, миссис Адамс, – сказал Джонни на прощание и направился к двери. Бекки тоже вышла с ним на улицу. Еще несколько минут они болтали, стоя в светлых летних сумерках возле его машины, потом Джонни взял девушку за руки, и они поцеловались. Этот поцелуй был до такой степени исполнен юношеской страсти, любви и нежности, что Бекки даже слегка задохнулась.

– Лучше поезжай, пока я не затащила тебя в кусты, – усмехнулась Бекки, когда они наконец разомкнули объятия. От такой улыбки сердце Джонни неизменно наполнялось сладостной болью, хотя за прошедшие четыре года он видел ее уже много, много раз.

– Да я и не против, – улыбнулся он в ответ. – Только боюсь, твоя мама может рассердиться, если узнает... – До сих пор оба наивно полагали, что их родители не догадываются, насколько далеко зашли их отношения. На самом деле и Памела, и мать Джонни прекрасно обо всем знали. Однажды Пэм даже поговорила с дочерью, прося ее быть благоразумной и осторожной. Впрочем, особой нужды в этом не было: заботясь друг о друге, осторожность проявляли оба, поэтому определенных проблем у них не возникало. Бекки не спешила становиться матерью – про себя она решила, что о детях они подумают после свадьбы, которая, как она полагала, состоится через несколько лет. Сначала им обоим нужно было закончить учебу, и если Джонни поступал учиться уже осенью, то Бекки могла на что-то рассчитывать только в будущем году. Впрочем, они никуда не спешили. Да и куда спешить, если перед ними была целая жизнь?

– Я тебе еще позвоню, – пообещал Джонни, садясь за руль. Он знал, что мать ждет его с ужином, хотя ей и было известно, что он наверняка перекусил у Бекки. К счастью, учеба в школе закончилась, домашних заданий больше никто не задавал, и сегодня Джонни мог уже не думать о делах. Впрочем, многое зависело от того, какая обстановка будет дома, когда он вернется.

Джонни жил всего в паре миль от Бекки, поэтому дома он был уже через пять минут. Оставив машину на подъездной дорожке позади отцовского пикапа, он двинулся через зад-

ний двор к двери кухни. Во дворе Джонни увидел их младшую сестру Шарлотту, которая – совсем как он когда-то – бросала мяч в укрепленное на столбе баскетбольное кольцо. Внешне Шарлотта была очень похожа на свою мать в молодости и немного – на Бекки. Она была такой же светловолосой и голубоглазой, как девушка брата, но была немного выше ростом, хотя ей было всего четырнадцать. Сейчас Шарли была в коротких шортах и топике, и Джонни невольно залюбовался ее уверенными движениями. Его сестра обещала стать настоящей красавицей, но саму Шарлотту это, похоже, несколько не занимало. Единственным, что ее интересовало, был спорт. Летом она говорила и грезилась только о бейсболе, зимой – о баскетболе и футболе. Нечего и говорить, что Шарли участвовала во всех соревнованиях и была членом сразу трех сборных команд. С точки зрения Джонни, его сестра была лучшей спортсменкой, какую он когда-либо видел.

– Привет, Шарли, как дела? – спросил Джонни, ловя брошенный сестрой мяч. Наблюдая за ней, он не сдержал улыбки, потому что Шарлотта пасовала резко, по-мужски. Она сама освоила этот пас, и в этом тоже проявились ее способности прирожденной спортсменки.

– Все о'кей, – ответила она и, поймав возвращенный братом мяч, плавным движением отправила его точно в корзину. Но когда Шарли обернулась, Джонни заметил, что взгляд у нее грустный.

– Что случилось? – Он обнял сестру за плечи, и она на мгновение прильнула к нему. Этого хватило, чтобы Джонни ощутил охватившую ее грусть. Из-за своего роста Шарлотта всегда выглядела старше своих лет, но сейчас он подумал, что его сестра и серьезна не по годам.

– Ничего.

– Папа дома? – спросил Джонни, хотя и видел отцовскую машину на подъездной дорожке. Он догадывался, почему расстроена Шарли; это была очень старая история, но им обоим было от этого несколько не легче.

– Дома... – Она кивнула и, подобрав мяч, стала автоматически ударять им о площадку. Несколько секунд Джонни наблюдал за ней, потом перехватил мяч, и некоторое время они играли друг против друга, пытаясь обвести противника и забросить мяч в корзину. Шарли почти не уступала брату ни в дриблинге, ни в точности бросков, и Джонни снова подумал о том, какие замечательные у нее способности к спорту. Сейчас он даже пожалел, что Шарли – не парень. Впрочем, она и сама частенько об этом говорила. Пока Джонни учился в старших классах, Шарлотта ходила на все игры с его участием, преданно болея за брата, так что он хорошо знал, какой ей хотелось бы стать. В каком-то смысле Джонни был ее героем, ей хотелось подражать ему больше, чем кому бы то ни было.

Они гоняли мяч почти четверть часа, потом Джонни все же прошел в дом. Его мать на кухне вытирала посуду, а младший брат Бобби пристально наблюдал за ней, сидя за столом. Отец, как всегда, сидел в гостиной, откуда доносился звук работающего телевизора.

– Привет, ма, – поздоровался Джонни, целуя мать в макушку, и Элис улыбнулась. Она обожала своих детей – всех троих. Самым счастливым днем в своей жизни Элис считала день, когда родился Джонни. До сих пор, стоило ей только взглянуть на своего старшего сына, ее сердце наполнялось радостью и гордостью.

– Здравствуй, дорогой. Как прошел день? – спросила Элис. Ее глаза светились любовью. Джонни был не просто любимым сыном – он был ей ближе остальных, и не только потому, что был первенцем и старшим. Какая-то особенная крепкая связь существовала между ними всегда.

– Все хорошо, – ответил он. – В понедельник состоится официальная выпускная церемония, а через два дня – выпускной бал.

В ответ Элис рассмеялась:

– Неужели ты думал, что я могу забыть? Кстати, как поживает Бекки? – В последнее время и Джонни, и его девушка говорили только о выпуске, поэтому Элис, конечно же, знала, что и когда произойдет.

– Отлично, – сказал Джонни и повернулся к Бобби, который широко улыбался своему старшему брату.

– Привет, братишка. А как твои дела? – спросил он. Бобби ничего не ответил, только его улыбка стала еще шире, когда брат привычным движением взъерошил ему волосы.

К молчанию Бобби в семье Петерсон успели привыкнуть – если, конечно, любящие родители вообще могут привыкнуть к тому, что их девятилетний сын перестал говорить. Эта беда случилась с ним пять лет назад, и с тех пор Бобби не произнес ни слова. Джонни каждый вечер разговаривал с братом, рассказывал ему обо всем, что он делал и что узнал, но Бобби не отвечал даже тогда, когда к нему обращались с прямым вопросом. Причиной была автомобильная авария, в которую он попал, когда ехал за город с отцом. Их машина сорвалась с моста и упала в реку, Бобби и отец едва не утонули, но их смогли вытащить случайные прохожие. Две недели Бобби пролежал в реанимации, подключенный к аппаратам искусственного дыхания. Он выжил, но разговаривать перестал, и никто из врачей не мог сказать однозначно, в чем тут дело. Существовала вероятность того, что в результате долгого пребывания под водой у Бобби мог быть поражен речевой центр мозга, а может быть, причина была в эмоциональном и психологическом шоке. Ни лекарства, ни общая терапия, ни специальные методы лечения результатов не дали. Бобби так и не заговорил, хотя во всех остальных отношениях он оставался совершенно нормальным ребенком: любопытным, обучаемым, с абсолютно адекватной реакцией на окружающее. В шесть лет его пришлось отдать в специальную школу для детей-инвалидов, и хотя в школьной жизни Бобби в меру своих возможностей все же участвовал, Элис все чаще казалось, что ее сын живет как бы в своем собственном мире, расположенном за прозрачной, но абсолютно непроницаемой стеной. И стена эта с каждым днем становилась все толще. Самым обескураживающим было, пожалуй, то, что и выучившись писать, Бобби не отвечал на обращенные к нему вопросы даже в письменной форме, хотя легко мог писать слова и буквы. Больше того, он не проявлял желания общаться с родными даже при помощи жестов, отчего Элис все чаще казалось, что Бобби просто не хочет с ними общаться. Положение усугублялось еще и тем, что после той злосчастной аварии отец семейства Джим начал выпивать – сначала лишь в гостях и на вечеринках, а потом и дома. Ежедневный алкоголь обеспечивал ему своеобразный наркоз, благодаря которому он мог забыть о неприятностях и не думать о том, что совершил. Джим не напивался вдрызг, не валился с ног, он не был агрессивен или жесток. Вернувшись домой, он просто садился перед телевизором с «шестизарядной», как он говорил, упаковкой пива и потихоньку потягивал его, пока не засыпал. За редким исключением подобное повторялось каждый день, и Элис знала, в чем причина такого поведения мужа. Не знала она только, когда это закончится. Похоже было, что за последние пять лет в их семье появилась новая удручающая традиция, и Элис все чаще ловила себя на том, что уже воспринимает сложившееся положение как данность.

В доме не обсуждали эту проблему, хотя то, что она существует, было очевидно. Лишь в самом начале Элис пыталась убедить мужа не злоупотреблять спиртным, но это ни к чему не привело, хотя на протяжении какого-то времени ей и казалось, что Бобби вот-вот заговорит, а Джим преодолеет свою пагубную привычку. Увы, ее надеждам не суждено было сбыться. Бобби продолжал молчать, Джим продолжал пить, и казалось – теперь уже они оба замкнулись каждый в своем мире. Остальным членам семьи нелегко было выносить подобное положение дел, но, столкнувшись с этой ситуацией, они постепенно смирились с ней, а точнее – с тем, что изменить что-либо не в их силах. Все же Элис несколько раз предлагала Джиму обратиться в организацию «Анонимные алкоголики», но он только отмахнулся от

нее. Свою проблему он не собирался обсуждать ни с ней и ни с кем другим. Похоже, он даже не считал, что проблема существует.

– Хочешь поужинать, милый? – спросила Элис у Джонни. – Я оставила тебе картошку и жареную рыбу.

– Спасибо, мама, я поел у Адамсов, – проговорил Джонни, ласково погладив Бобби по щеке. Иногда прикосновения были самым лучшим средством общения с ним, к тому же Джонни чувствовал, что брат ближе к нему, чем ко всем остальным. Их связь, пусть и не выраженная словами, была достаточно тесной. Порой Бобби просто следил за братом влюбленным взглядом своих больших голубых глаз, и Джонни ощущал всю силу их взаимных чувств и глубокой связи.

– Хотелось бы мне, чтобы когда-нибудь ты поужинал дома, – заметила Элис с шутливым упреком. – Может, хотя бы от десерта не откажешься? Сегодня я испекла яблочный пирог.

Она знала, что яблочный пирог был любимым лакомством старшего сына, поэтому старалась готовить его как можно чаще.

– От пирога не откажусь, – улыбнулся Джонни. Есть ему не хотелось, но он боялся обидеть мать. Из-за этого он иногда съедал по два полных ужина, один у Адамсов, а второй – дома. Джонни всегда старался сделать матери приятное, потому что любил ее не меньше, чем она его. Кроме того, их отношения были куда полнее, чем обычно бывают отношения между матерью и сыном. Они были не просто близкими родственниками, а самыми настоящими друзьями.

Пока Джонни ел пирог, Элис присела за стол напротив него. Бобби тоже не сводил с брата влюбленных глаз и, казалось, внимательно прислушивался к их разговору о всякой всячине – о нескольких круговых пробежках, которые Шарли сделала в последних матчах детской бейсбольной лиги, и о предстоящем выпускном вечере. Чтобы появиться на балу в приличном виде, Джонни взял напрокат смокинг, и Элис очень хотелось увидеть сына элегантно одетым. Она уже купила новую пленку, чтобы сфотографировать сына на память. Это она предложила Джонни купить для Бекки букетик цветов к бальному платью.

– Мам! Спасибо за совет, я заказал цветы для Бекки, – сказал Джонни, доедая пирог. Потом он поднялся и сказал, что пойдет к себе, чтобы немного поработать над своей речью. Ему как лучшему ученику поручили произнести на выпускной церемонии прощальное слово, и это обстоятельство заставило Элис еще больше гордиться своим замечательным сыном.

Джонни ненадолго задержался в гостиной. Звук в телевизоре был включен чуть не на полную громкость, но его отец крепко спал, и он уменьшил звук, чтобы не беспокоить домашних. Подобная сцена практически без изменений повторялась из вечера в вечер, и для Джонни не было в ней ничего нового. Немного подумав, он вообще выключил телевизор, а потом поднялся в свою комнату, сел за стол и принялся перечитывать то, что уже написал. Джонни все еще раздумывал над своей речью, когда дверь позади него бесшумно приоткрылась и Бобби, скользнув в комнату, уселся на его кровати.

– Кажется, неплохо получается, – не оборачиваясь, сообщил ему Джонни. – Впрочем, у меня еще есть время подумать над некоторыми оборотами. Понимаешь, я пишу речь, в которой должен поблагодарить нашу школу и всех учителей за то, что они нас учили и воспитывали. И ты знаешь, – добавил он, – я абсолютно уверен, что когда-нибудь тебе тоже придется произносить нечто подобное, поэтому, когда все будет готово, я отдам тебе черновик. Только смотри не потеряй!

Брат ничего не ответил, и Джонни снова погрузился в работу. Бобби нисколько ему не мешал, напротив, в его присутствии Джонни чувствовал себя как-то уютнее, да и мальчуган, похоже, был счастлив побыть с братом. Сначала он просто сидел на кровати, потом лег, уста-

вившись в потолок неподвижным взглядом, и Джонни невольно спросил себя, о чем Бобби сейчас думает. Не исключено было, что он вспоминает аварию, в которую попал вместе с отцом, размышляет о ее последствиях. Порой Джонни даже казалось, что молчание Бобби было сознательным решением или, может быть, немоту вызвало нечто такое, чего мальчик еще не мог преодолеть. Впрочем, в том, что рано или поздно Бобби снова будет говорить, Джонни не сомневался, и его слова насчет речи, которую брату придется произносить по окончании школы, были сказаны им вполне серьезно.

Потом он подумал о том, что та давняя авария не только лишила Бобби дара речи, но и повлияла на жизнь всех членов семьи. Теперь и ему, и Шарлотте приходилось прилагать куда больше усилий, чтобы хоть немного сгладить поселившуюся в доме печаль. Вместе с тем Джонни отчетливо сознавал, что делают они это скорее машинально, ибо, сами того не сознавая, они утратили надежду, сдались. Совсем как их отец, который ненавидел свою работу, ненавидел свою жизнь и каждый вечер напивался, чтобы притупить острое чувство вины. И как мать, которая, по большому счету, уже не верила, что Бобби когда-нибудь снова заговорит и что муж сумеет простить себя за то, что совершил. Она ни разу не рассердилась на отца, ни разу не обвинила в беспечности и безответственности, хотя все основания для этого у нее были. Ведь в день, когда Джим Петерсон съехал на машине с моста и едва не утопил своего младшего сына, он был сильно навеселе. Ему нельзя было садиться за руль, но он все-таки сел, и... случилось то, что случилось. И все же Элис ни слова не сказала мужу, хорошо понимая, что Джим и без этого казнит себя каждый день, каждый час. Самым скверным было, пожалуй, то, что произошедшая трагедия была из тех, когда ничего исправить уже нельзя, и все же им необходимо было с этим справиться. Нужно было двигаться дальше, нужно было научиться жить в новых обстоятельствах, но Джиму это оказалось не под силу. Казалось, он был просто не способен понять, что отныне дела обстоят именно так, а не иначе и что теперь так будет всегда.

Проработав над речью еще с полчаса, Джонни, весьма довольный результатами своего труда, лег на кровать рядом с братом. Бобби спокойно лежал на одеяле рядом с ним и только взял его за руку. Казалось, через это прикосновение мальчик был способен выразить все чувства, которые он испытывал, а значит, слова были не нужны. То, что братья чувствовали друг к другу, находилось вне слов и звуков, и Джонни невольно подумал о том, что, если так пойдет и дальше, у Бобби никогда не появится достаточно мощного стимула заговорить.

Так они лежали довольно долго, пока наконец в комнату не заглянула Элис, разыскивавшая младшего сына, чтобы отправить его спать. Услышав голос матери, которая велела ему идти к себе, Бобби никак не прореагировал, в глазах его ничего не отразилось. Он, однако, поднялся и, бросив на Джонни долгий взгляд, тихо вышел в коридор, чтобы идти в свою спальню. Элис отправилась следом. После аварии она ни на день не оставляла его одного, стремясь постоянно быть рядом на случай, если Бобби вдруг понадобится мама. Элис не доверяла даже профессиональным няням и никогда не уходила из дома надолго. Вся ее жизнь вращалась теперь вокруг Бобби, и Джонни с Шарли относились к этому с пониманием. Это был дар матери младшему сыну.

Когда Джонни наконец позвонил Бекки, она, несмотря на поздний час, взяла трубку уже на втором гудке. Ее мать и остальные дети давно легли, но сама она преданно ждала звонка. И Джонни никогда ее не подводил. Им обоим нравилось хотя бы немного поговорить друг с другом перед сном, каким бы трудным ни был прошедший день. А по утрам Джонни часто заезжал за Бекки и ее братьями и сестрами, чтобы подбросить их в школу, так что почти все его дни начинались и заканчивались одинаково.

– Привет, любимая, как ты? – проговорил Джонни в трубку.

– Хорошо, – так же негромко ответила Бекки. – Мама уже легла, а я любовалась своим бальным платьем. Оно замечательное!

По голосу Джонни понял, что Бекки улыбается, и почувствовал себя счастливым. Бекки в новом платье выглядела просто сногшибательно, и он был рад, что такая девчонка принадлежит ему.

– Я уверен, на балу ты будешь самой красивой, – убежденно сказал Джонни.

– Спасибо. А что у тебя?

В голосе Бекки прозвучали обеспокоенные нотки. Она знала, что происходит у него дома, знала, что у отца Джонни проблемы с алкоголем. Об этом, впрочем, было известно многим, поскольку Джим Петерсон пил уже много лет. Кроме того, Бекки от всего сердца жалела Бобби – он был таким славным мальчуганом! Нравилась ей и Шарлотта, которая казалась настоящим сорванцом, но в ней было много и от Джонни. Главное, Шарли была умной и доброй – совсем как старший брат и как их мать. Пожалуй, единственным членом семьи Петерсон, которого Бекки совсем не знала, был отец Джонни. Впрочем, узнать его как следует было непросто.

– Все как всегда, – ответил Джонни. – Отец снова заснул перед телевизором, Шарли грустит. Ей давно хочется, чтобы папа посмотрел, как она играет, но он никогда не бывает на ее соревнованиях. Мама сказала – в сегодняшней игре Шарли снова сделала две домашние пробежки, но для нее самой это почти ничего не значит, потому что папа этого не видел. На мои-то игры он всегда ходил – просто ни одной не пропускал, но Шарли – дело другое. Я подозреваю, это из-за того, что она девочка. Папа, наверное, считает, что в женском спорте нет ничего интересного... – Он вздохнул. – Ну почему некоторые люди иногда бывают такими... ограниченными?

Голос Джонни прозвучал почти жалобно. Ради сестры он хотел бы изменить сложившееся положение дел, но не знал, как это сделать. Несколько раз Джонни пытался серьезно поговорить с отцом, но тот вел себя так, словно не слышал обращенных к нему слов. Или ему было все равно? В конце концов Джонни прекратил свои попытки и начал сам ходить на игры сестры – когда мог, разумеется.

– Кстати, – добавил он, – я закончил писать свою речь. По-моему, получилось неплохо.

– Ты и сам знаешь, что это будет великолепная речь. Самая лучшая за всю историю школы! – Бекки рассмеялась, хотя, говоря так, она несколько не шутила. Она всегда верила в способности Джонни, к тому же за четыре года они научились оказывать друг другу помощь и поддержку каждый раз, когда это оказывалось необходимо. У родителей – особенно в последнее время – все чаще не хватало на это ни времени, ни сил. В обеих семьях накопилось достаточно проблем, и Элис с Памелой целыми днями крутились как белки в колесе, решая самые неотложные вопросы, касавшиеся в первую очередь их детей. Джонни и Бекки, считавшие себя уже взрослыми, относились к этому с пониманием и не требовали от своих матерей ничего сверх того, что они способны были дать, к тому же нужда во взаимной поддержке еще больше укрепила связывавшие их чувства. В каком-то смысле каждый из них стал для другого самым близким человеком, что не умаляло их любви к своим родным. И все же друг другу они давали что-то такое, чего не мог бы дать никто другой.

– Ну ладно, до завтра, милая, – попрощался наконец Джонни. Никаких особых новостей, которые он мог бы сообщить Бекки, у него не было, поскольку большую часть сегодняшнего дня они провели вместе, однако он неизменно придерживался установившегося ритуала. Им обоим нравилось слышать перед сном голоса друг друга.

– Я люблю тебя, Джонни, – негромко откликнулась Бекки, и он представил себе, как она сидит на кухонном табурете в одной ночной рубашке и думает о нем.

– Я тоже тебя люблю, милая. Спокойной ночи. – И Джонни первым положил трубку.

Глава 2

– Боже, какая красота! И тебе очень идет! – воскликнула Элис, когда ближе к вечеру ее старший сын спустился в кухню во взятом напрокат смокинге. Высокий, широкоплечий, стройный, в рубашке с плосной грудью и белой бутоньеркой в петлице, он выглядел потрясающе элегантно!

– В этом смокинге ты похож на... на кинозвезду, – восторженно произнесла Элис, любуясь сыном. Он действительно мог сойти за самую настоящую знаменитость, однако куда больше Джонни напоминал жениха накануне свадебной церемонии. Впрочем, об этом Элис умолчала, не желая вгонять его в краску.

Джонни несколько раз прошелся перед матерью, чтобы она сумела рассмотреть его со всех сторон, потом открыл холодильник и достал букетик из искусно переплетенных живых роз, который он приготовил для Бекки. Он как раз стоял в прихожей, прижимая к груди прозрачную пластиковую коробочку, когда сверху вприпрыжку спустилась Шарлотта. Увидев брата, она остановилась как вкопанная и восхищенно улыбнулась, едва не уронив баскетбольный мяч, который в последнее время почти не выпускала из рук.

– Ну, как тебе наш Джонни? – с гордостью спросила ее Элис, и Шарли хихикнула.

– Он похож на аиста, – вынесла она приговор, и Джонни, не сдержавшись, весело расхохотался.

– Спасибо, сестренка! Погляжу я на тебя, когда ты доживешь до выпускного класса. Готов спорить, ты будешь выглядеть еще глупее в белом бальном платье и с баскетбольным мячом в обнимку. А то еще наденешь свою бейсбольную перчатку и шиповки, если до той поры ничего не изменится.

– Да, я такая! – Шарли снова улыбнулась, потом покачала головой и окинула брата еще одним, более внимательным взглядом. – Нет, ты на самом деле здорово выглядишь, – сказала она с необычной для себя серьезностью. Как и мать, Шарли считала, что их Джонни – самый красивый, самый лучший, и гордилась им.

– Сегодня наш Джонни выглядит гораздо лучше, чем просто «здорово», – поправила Элис и приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать сына в щеку, а потом вынула из кармана фартука фотоаппарат и дважды щелкнула Джонни, прежде чем он успел отвернуться.

Из кухни бесшумно появился Бобби и тоже уставился на брата.

– Ну как я тебе, братишка? – шутливо обратился к нему Джонни. Бобби, как всегда, не ответил, но весь его изумленный вид выдавал глубокий интерес к происходящему и даже что-то вроде одобрения. Только отца еще не было дома, и он так и не увидел Джонни в торжественном смокинге.

– Пожалуй, я заеду за Бекки, иначе мы можем опоздать, – проговорил Джонни, несколько смущенный всеобщим вниманием, и двинулся к двери. Мать и сестра провожали его восхищенными взглядами. В последнюю секунду он на мгновение обернулся, чтобы помахать им рукой на прощание, потом вышел во двор, и уже через минуту они услышали шум мотора удаляющейся машины.

Когда он подъехал, Бекки уже ждала его на парадном крыльце. На ней было белое атласное платье, которое Джонни выбрал по каталогу. Оно прекрасно облегло ее стройную фигуру, но в то же время было достаточно пышным, делая Бекки похожей на фею из волшебной сказки, как сказала Сэнди. Свои длинные светлые волосы она собрала на затылке в пучок, а на ноги надела белые атласные туфельки на высоких каблуках, которые давно приглядела в городском универмаге и на которые полгода копила деньги.

Подойдя к Бекки, Джонни церемонно поклонился, потом не спеша прикрепил к лифу ее платья букетик из белых роз, а она ответила влюбленной улыбкой. Не удержавшись, Джонни

поцеловал Бекки, и стоявшие тут же Питер и Марк разразились такими громкими криками и свистом, что из кухни на шум прибежала Памела.

– Вы оба словно сошли с картинки модного журнала, – сказала она со счастливой улыбкой. Сегодня Бекки была особенно прелестна, да и Джонни выглядел старше своих неполных восемнадцати. – Желаю чудесно провести время, детки. В конце концов, это ваш первый и последний выпускной школьный бал. Когда-нибудь он станет для вас дорогим сердцу воспоминанием, так что наслаждайтесь каждой минутой и постарайтесь получше запомнить сегодняшнюю ночь. – Памела говорила со слезами на глазах. В свои годы она научилась дорожить каждым мгновением, на своем горьком опыте убедившись, что единственное, что остается в жизни с человеком, – это его воспоминания.

– Мы постараемся, мам, – жизнерадостно откликнулась Бекки и, поцеловав мать в щеку, села в машину Джонни.

– Смотри, езжай осторожнее, – напутствовала Памела кавалера дочери, хотя и знала, что в этом нет особой нужды. Несмотря на юный возраст, Джонни был разумным и ответственным молодым человеком. Он никогда не превышал скорость и не лихачил из одного лишь желания «козырнуть» перед Бекки своей неустрашимостью и умением водить машину. Просьба быть поосторожнее сорвалась у Памелы с языка просто потому, что так говорят все матери.

В ближайшем ресторане Бекки и Джонни встретились с группой друзей-одноклассников. Настроение у всех было приподнятое, и девочки тут же принялись обсуждать наряды друг друга. У многих тоже были приколоты к корсажам букетики цветов, а у мальчиков белели цветки в бутоньерках. То и дело раздавался беззаботный, счастливый смех молодых, уверенных в себе людей, перед которыми лежит вся жизнь.

В восемь пятнадцать вся группа, по-прежнему пребывавшая в отличном настроении, отправилась в школу на выпускной бал. Одна пара села в машину к Джонни и Бекки, поскольку до ресторана их довезли родители. Школьное здание находилось совсем недалеко, и к девяти вечера праздник был в самом разгаре.

Для всех выпускников это была счастливая, незабываемая ночь. В актовом зале играл настоящий оркестр, потом включили аппаратуру, и один из старшеклассников взял на себя роль диск-жокея. Музыка была самая клевая, угощений тоже хватало. Большинство выпускников твердо решили провести эту праздничную ночь трезвыми, поэтому лишь несколько сорвиголов тайком пронесли в школу пиво и спиртное покрепче. Недавние школьники веселились и флиртовали напропалую, никто не ссорился, правда, одна драка все же случилась, но, к счастью, зачинщиков удалось быстро растащить. В целом вечер прошел мирно, без происшествий, и в полночь, когда танцы закончились, выпускники собрались на школьном крыльце, решая, куда двинуться дальше. Неподалеку находилось круглосуточное кафе, куда все они любили бегать за гамбургерами и колой, а несколько парней планировали попытаться счастья в местном баре, проникнуть в который им должны были помочь поддельные удостоверения личности.

Джонни и Бекки весь вечер танцевали, смеялись и шутили с друзьями и теперь собирались пойти вместе со всеми в «Кафе Джоя», чтобы подкрепиться гамбургерами и молочной болтушкой. В половине первого, посадив в машину еще одну пару – ту самую, которая осталась «без колес», – они отъехали от школы. Почти в то же самое мгновение их обогнал кабриолет с откидным верхом, в который набилось не меньше десятка мальчишек из школьной футбольной команды. Они посылали девушкам воздушные поцелуи, яростно сигналили и криками подначивали Джонни, вызывая его прокатиться наперегонки, но он только улыбался в ответ и отрицательно качал головой. Он никогда не любил подобные забавы – особенно сейчас, когда у него в машине были пассажиры. Продолжая улыбаться, Джонни дважды нажал на сигнал своего автомобиля, и кабриолет под визг покрышек умчался вперед и

круто свернул на ближайшем светофоре на боковую улочку, держа курс на единственный в Сан-Димасе бар, где на возраст клиентов не обращали особого внимания.

Бекки и вторая девушка болтали и смеялись, когда машина Джонни приблизилась к тому же перекрестку. Они двигались довольно медленно и выехали на пересечение улиц, когда красный сигнал светофора сменился зеленым. Джонни как раз рассказывал сидевшему на заднем сиденье товарищу об одном общем знакомом из школьной футбольной команды, когда боковым зрением уловил какое-то движение справа. В ту же секунду раздался резкий гудок, за которым последовал отчаянный скрип тормозов. Повернувшись в ту сторону, Джонни увидел уже знакомый кабриолет, который обогнал их пару минут назад. Теперь он с огромной скоростью мчался по боковой улице в обратном направлении и отчаянно сигналил, обгоняя остановившиеся на светофоре машины. Еще немного, и он вылетит на перекресток!

Джонни нажал на педаль тормоза, но уже в следующее мгновение с ужасом понял, что остановиться вовремя ни он, ни вторая машина не успеют. Тогда он резко вывернул руль, уходя от столкновения. Рядом с ним испуганно вскрикнула Бекки.

Все, что произошло дальше, никто из них не смог бы описать в подробностях. Послышался громкий удар, и во все стороны брызнули сверкающие осколки стекла. Заскрежетал раздираемый металл. Впоследствии девушка, сидевшая на заднем сиденье, сказала – ей показалось, будто они на полном ходу врезались в каменную стену. Машина Джонни завертелась вокруг своей оси и заскользила куда-то в сторону. Он делал все, что мог, чтобы остановить это скольжение, но машина не слушалась руля и замерла, только когда ее притиснул к разделителю тормозящий юзом грузовик. Кабриолет тоже развернуло и отбросило в сторону – в гущу отчаянно сигнализирующих машин. Его пассажиры вылетели из салона и рухнули на мостовую и на капоты ближайших автомобилей. Внутри остался только водитель, зажатый покоренным металлом.

Потом мир перестал вращаться и наступила сверхъестественная тишина. Как впоследствии заявил один из свидетелей, лобовое стекло машины было смято как целлофановая обертка от гамбургера, с заднего сиденья доносился негромкий стон, а белое платье пассажирки на переднем сиденье было сплошь покрыто кровавыми пятнами. Бекки – это она сидела впереди – была без сознания. Джонни тяжело навалился грудью на рулевое колесо и не шевелился.

Ремни безопасности у всех четверых были пристегнуты.

Казалось, прошла вечность, прежде чем в машину заглянул какой-то мужчина с электрическим фонариком в руке. Он слышал тихий стон с заднего сиденья, но вдали уже раздавались sireны санитарных машин, и он не стал никого трогать. Вокруг хлопали дверцы – другие люди выбирались из своих замятых в беспорядке машин. На обочине сидели несколько подростков в изорванной, окровавленной одежде – вид у них был ошарашенный. В результате аварии было разбито пять легковых автомобилей и грузовик. Когда подъехала первая «Скорая помощь», кто-то сказал выскочившим из нее медикам, что водитель грузовика погиб. Другой мужчина указал на смятую в лепешку машину Джонни.

– Там несколько подростков, – сказал он. – Поспешите, мне кажется – они еще живы, я слышал, как кто-то стонал.

С этими словами он вернулся к своему автомобилю, а медики бросились к машине Джонни. Несколько секунд спустя на перекресток прибыли еще две «Скорых» и спасатели из городской пожарной команды. Замелькали огни ручных фонариков, санитары и фельдшеры сновали между машинами, заглядывали в окна, помогали пострадавшим выбраться из салонов и оказывали им первую помощь. Спустя несколько минут на обочине уже лежали четыре неподвижных тела, с головой накрытых клеенкой, – в том числе водитель грузовика. Пожарные спасатели и один из медиков извлекли из разбитой машины Бекки. Она едва держалась на ногах, из рассеченного лба стекала на платье кровь, и санитар повел ее к машине

«Скорой». Юноша и девушка на заднем сиденье были в шоке, но, похоже, не пострадали. Они сами выбрались из машины, и спасатели отвели их в сторону. Тем временем первый медик вернулся к машине и, просунувшись в салон, нащупал пульс у Джонни, потом чуть приподнял его голову и посветил в глаза фонариком. Лицо юноши было белым как бумага, на лбу вздулась огромная шишка, медик сразу понял, что юноша мертв – у парня была сломана шея. Медик знаком подозвал двух спасателей.

– Водитель мертв, – сказал он негромко, чтобы никто не услышал. – Доставайте его, а я схожу за носилками.

Когда поднесли носилки, пожарные осторожно извлекли тело и накрыли клеенкой. Как раз в этот момент Бекки выглянула из машины «Скорой помощи», где ей оказывали помощь.

– Эй, что это вы делаете?! – крикнула она. – Зачем вы закрыли ему лицо?!

И, оттолкнув руки пытавшихся удержать ее медиков, Бекки бросилась к носилкам. Кровь все еще текла по ее лицу и капала на платье, весь верх которого стал из белого красным. Подбежав к носилкам, на которых лежало тело Джонни, она попыталась откинуть клеенку с его лица, но один из спасателей удержал ее за руки. Бекки боролась изо всех сил, но вырваться не могла.

– Ну, идите же сюда, мисс, – негромко уговаривал рыдающую Бекки спасатель. – Садитесь лучше в машину... С вами все в порядке, но вам все равно нужно показаться врачу. Сейчас мы отвезем вас в больницу и...

Но Бекки не слушала его, с ней случилась истерика. Она кричала, вырывалась, царапалась.

– Мне нужно к Джонни! – снова и снова повторяла Бекки. – Я должна быть с ним, ну как вы не понимаете?! Я... я... – Ей не хватало воздуха, она захлебывалась рыданиями, и спасатель крепко прижал ее к своей широкой груди.

– Ведь это же Джонни, понимаете? Он не может... не может... О боже!.. – Ноги отказывались ей служить, и, ослабев от горя, Бекки без сил опустилась на мостовую. Воспользовавшись этим, спасатель подхватил ее на руки и отнес в машину «Скорой помощи». Там медики ввели ей успокоительное, и минуту спустя машина отъехала.

Полиции и спасателям потребовалось около двух часов, чтобы восстановить движение и отправить раненых в больницы. Подростков – виновников аварии полицейские сами развезли по домам, предварительно позвонив их родителям. Пятерых погибших коронерская служба забрала в морг, и полицейские из дорожного патруля отправились по их адресам, чтобы сообщить страшные новости родственникам. Водитель грузовика жил в другом штате, поэтому его родных не стали разыскивать, а уведомили по телефону транспортную компанию, в которой работал погибший. Но четвертым полицейским выпала тяжелая обязанность лично посетить дома погибших и встретиться лицом к лицу с их близкими.

Сержант дорожного патруля, отправившийся домой к Петерсонам, слышал о Джонни – его дочь училась в одном классе с Шарлоттой. Он был опытным полицейским и уже не раз выполнял подобные задания, однако сейчас сержант боялся того, что ему предстояло, больше обычного. Как он будет смотреть в глаза матери Джонни? Что он ей скажет, чем утешит?..

Было три часа ночи, когда сержант позвонил у двери дома Петерсонов. Никто ему не открыл, и спустя какое-то время он снова нажал кнопку звонка. На сей раз за дверью послышались шаги, щелкнул замок. На пороге стоял Джим Петерсон в пижаме и шлепанцах на босу ногу, из-за его плеча выглядывала Элис.

– Что случилось, сэр? Вы кого-то ищете?

Никаких проблем с Джонни у них никогда не возникало, и сейчас ни Джим, ни Элис даже представить себе не могли, что полиция могла задержать их сына за какое-то правонарушение. Конечно, они знали, что его ровесников, бывало, арестовывали за превышение

скорости или за появление на улице в нетрезвом виде, но Джонни... Нет, это было невероятно!

– Нет, я никого не ищу. Я по поводу вашего сына. Вы позволите мне войти? – вежливо спросил сержант, и родители Джонни отступили в сторону, пропуская его внутрь. Из прихожей все трое прошли в гостиную. Там сержант с мрачным видом остановился на пороге.

– Два часа назад на перекрестке Центральной и Гринфилд-стрит произошла серьезная авария, – начал он, и Элис машинально схватилась за рукав пижамы мужа. Гринфилд-стрит находилась совсем недалеко от школы, где учился Джонни.

Сержант, внимательно следивший за обоими, угрюмо кивнул, словно подтверждая сказанное.

– Мне очень жаль, мэм, но ваш сын Джон Петерсон погиб. Столкнулись шесть машин, кроме вашего сына, пострадало еще несколько человек. Примите мои искренние соболезнования.

– О боже!.. – проговорила Элис помертвевшими губами, чувствуя, как ее охватывает паника. – Нет, не может быть... Вы, наверное, ошиблись... Джонни не мог... Вы уверены, что это он?

Джим, в отличие от Элис, не произнес ни слова. Почему-то он сразу поверил, что с их сыном случилось страшное, и по его щекам потекли слезы.

– К сожалению, да, уверен. – Патрульный на мгновение опустил голову. – Другая машина, двигавшаяся на большой скорости, столкнулась с автомобилем, которым управлял ваш сын. Джонни ничего не мог сделать, чтобы избежать столкновения. Поистине ужасно, когда погибают такие молодые парни. Поверьте, миссис Петерсон, я знаю, что вы сейчас чувствуете, и очень сожалею...

Элис хотелось сказать, что он даже не представляет, что она сейчас чувствует, но язык ей не повиновался. В голове царил сумбур, колени подогнулись от слабости. Элис была на грани обморока, но сержант, внимательно за ней наблюдавший, успел вовремя подхватить ее и усадить на диван.

– Принести вам воды, мэм? – предложил он.

В ответ Элис только молча покачала головой. Слезы заструились по ее щекам, губы задрожали, но она все же сумела спросить:

– Г-где он сейчас? – Голос ее звучал хрипло, а перед глазами вставала ужасная картина: Джонни, ее Джонни лежит с пробитой головой где-нибудь на пыльной обочине дороги. Господи, как же ей хотелось прижать к себе холодеющее тело сына, а лучше – умереть вместе с ним! Ей не пережить этот ужас!

– Окружной коронер отвез тело в морг. Думаю, его выдадут вам по первому требованию, так что можете готовиться к... готовить все необходимое. Мы со своей стороны сделаем все от нас зависящее, чтобы не было никаких проволочек.

Элис кивнула. Она по-прежнему плохо понимала, что происходит. Джим Петерсон вышел в кухню и вскоре вернулся со стаканом. Со стороны могло показаться, будто в стакане – прозрачная вода, но Элис знала, что это чистый джин. Она поняла это по выражению ужаса в глазах мужа – Джим был попросту раздавлен страшной новостью. Да и самой Элис все происходящее казалось чем-то нереальным. И только присутствие сержанта мало-помалу вернуло Элис к осознанию случившегося.

Сержант пробыл в доме Петерсонов еще с полчаса. Потом, еще раз принеся им свои соболезнования, он ушел. На часах к этому моменту было уже начало пятого, но Элис и Джим еще долго сидели окаменевшие в гостиной. Ни у одного из них не было сил, чтобы выговорить хотя бы слово. В конце концов Джим молча обнял Элис за плечи, и оба они заплакали. Шло время, невыразимое горе парализовало супругов. Они не сказали друг другу ни единого слова. Элис промолчала, даже когда Джим вышел на кухню, чтобы налить себе

еще джина. Провожая его взглядом, она искренне желала, чтобы алкоголь принес утешение и ей. Увы, ничто в целом мире не было способно умерить ее горе и смягчить жестокий удар.

Наступил рассвет, но Элис казалось, что наступил конец света. Новый день обещал быть таким же погожим и ясным, как и вчерашний, однако яркий утренний свет и беззаботное пение птиц за окном казались ей почти оскорбительными. Элис не могла представить себе этот мир без Джонни, как не могла представить свою жизнь без него. Всего несколько часов назад он вышел из дома, красивый, уверенный, полный надежд, а теперь его не стало. Это ложь, ложь, ложь, твердила себе Элис, жестокий и глупый розыгрыш. Этого просто не может быть! Кто-то неудачно пошутил, и ее Джонни жив. Вот сейчас он войдет в гостиную и удивится, отчего они встали так рано, а потом и посмеется вместе с ними над ситуацией, которая, несмотря на весь трагизм, закончилась хорошо.

Но в глубине души Элис уже знала, что полицейский сказал правду. Ее Джонни погиб. Наверное, единственным светлым пятном в сгущавшемся вокруг мраке было то, что Бекки уцелела, отделавшись небольшой раной. Вторая пара, ехавшая в машине на заднем сиденье, как сказал сержант, не пострадала, и при других обстоятельствах Элис была бы рада это услышать, но сейчас собственное бездонное горе заслонило от нее все. Ну почему, почему судьба отняла у нее сына? По словам сержанта, в аварии был виноват вовсе не Джонни, напротив, он сделал все, что мог, чтобы избежать столкновения. Он не превысил скорость, не пил, не проехал на красный сигнал светофора. Джонни вообще никогда не проявлял ни беспечности, ни безответственности... Так почему же из всех сидевших в машине должен был погибнуть именно ее мальчик, ее замечательный сын, добрый, хороший, способный, всеобщий любимец и образец для подражания? Почему?! Молодые не должны умирать, а ведь Джонни еще нет восемнадцати – это неправильно и ужасно несправедливо!

Когда в начале восьмого утра им позвонила Памела Адамс, Элис и Джим все еще были внизу – в гостиной. Джим, впрочем, выпил уже достаточно, чтобы у него заплетался язык, поэтому на звонок ответила Элис. Но стоило ей услышать в трубке голос Пэм, как она разрыдалась и не смогла говорить.

Памела тоже плакала.

– О, Элис, мне так жаль! Бедный, бедный Джонни! – Она сама только что привезла домой дочь. В больнице Бекки зашили рану на лбу, и хирург сказал, что, если не будет воспаления, шрам скоро будет незаметен. Но Бекки никак не могла успокоиться, хотя сначала ей дали легкий наркоз, а потом накачали седативными препаратами. Бекки не хотела верить, что Джонни больше нет, что он умер и она никогда больше его не увидит.

– Господи, как же я вам сочувствую! Скажите, что я могу для вас сделать? – спросила Памела. Она до сих пор помнила, как плохо ей было, когда погиб ее муж Майк. Потрясение, шок, боль от утраты – все вместе сливалось в невыносимую муку, которая продолжала преследовать ее даже сейчас. И все же Пэм понимала, что потерять сына еще страшнее и мучительнее. – Может, мне зайти к вам и посидеть с детьми? – предложила она.

– Я... я не знаю, – с трудом выдавила Элис. Она никак не могла прийти в себя, к тому же ей еще предстояло сообщить о смерти Джонни детям. Элис не представляла, как она сможет произнести эти слова вслух. Это было немыслимо!

– Я все-таки приеду. Я смогу быть у вас уже через десять минут! – настаивала Памела. Она-то хорошо знала, как важно, чтобы в тяжелые минуты рядом оказался кто-то из друзей. Элис – хотя она об этом еще и не думала – предстояло в самое ближайшее время многое сделать и многое решить. Нужно было поехать в похоронное бюро, выбрать гроб, договориться насчет траурного зала, выбрать для Джонни подходящую одежду, сообщить страшную новость родственникам, написать некролог, назначить время церковной службы и прощальной церемонии, приобрести участок на кладбище... И всем этим Элис надо было заниматься самой, преодолевая боль и острое чувство потери. Памела лучше, чем кто бы то

ни было, понимала, насколько это тяжело, и от души хотела помочь подруге. Тревожилась она и о дочери. Бекки, конечно, тоже будет очень тяжело. Потерять любимого человека было нелегко в любом возрасте, а в юности такую потерю ощущаешь как крушение собственной жизни.

Элис в конце концов согласилась, и двадцать минут спустя Памела уже звонила у ее дверей. Она крепко обняла Элис и сидела с ней, пока Джим одевался в своей комнате. Потом она сварила кофе и напоила им Элис – это было совершенно необходимо, если та не хотела свалиться. Обе женщины все еще сидели на кухне, плача и поминутно вытирая слезы, когда вниз спустилась Шарлотта. Она была одета в шорты и короткий топик, ее волосы были взлохмачены со сна, а на щеке отпечатался след от подушки.

– А-а, мам, привет... – сонно сказала она. Потом Шарлотта увидела Памелу, и ее глаза широко раскрылись. Она увидела, что мать и Памела плачут, и сразу поняла – случилось что-то ужасное.

– В чем дело? – спросила Шарлотта дрожащим голосом, и по ее лицу скользнула тревога.

Элис подняла глаза на дочь и снова залилась слезами. Слова не шли у нее с языка, поэтому она встала и, сделав несколько шагов, крепко обняла Шарлотту и прижала к груди.

– Что случилось, мама? Что-нибудь плохое? – Девочка не знала, что произошло, но уже почувствовала: ее жизнь, такая беззаботная и счастливая, вот-вот изменится раз и навсегда.

– Джонни... – сдавленным голосом проговорила Элис. – Он ехал с выпускного и... попал в аварию. Он умер, Шарли.

При этих ее словах Шарлотта сначала глухо застонала, потом вскрикнула, как от сильной боли:

– Нет, мама, нет! Пожалуйста!.. Этого не может быть! Я не хочу!

Она прижалась к груди и повисла, обессиленная, на ней. Теперь они плакали обе, и Памела почувствовала, как у нее снова защемило в груди. Ей очень хотелось как-то помочь, но чем могла она утешить Элис и Шарли. В этот момент сверху спустился Джим. Он уже протрезвел, но на него было страшно смотреть: боль, отчаяние и растерянность исказили черты его лица. Джим налил себе кофе, но пить не смог, и еще некоторое время все они сидели за кухонным столом, не произнося ни слова. Потом Элис спохватилась, что Бобби еще не встал, и, с трудом поднявшись со стула, направилась к нему в комнату.

Бобби не спал. Когда она вошла, он лежал в своей кровати и неподвижно глядел в потолок. В этом не было ничего необычного – ее младший сын иногда поступал подобным образом, но сегодня у Элис сложилось впечатление, что он что-то почувствовал и пытался спрятаться от того, что грозило разрушить весь его мир. Увы, неспособность говорить не могла защитить его от ужаса происшедшего.

– Я должна сообщить тебе одну печальную новость, – сказала Элис и, сев на кровать, крепко обняла мальчугана. – Твой любимый старший брат покинул нас... чтобы жить в раю, с Богом. Но он по-прежнему тебя любит, и ты не должен об этом забывать, – добавила она и всхлипнула. Бобби вздрогнул в ее объятиях, потом его хрупкое тельце напряглось, но он не издал ни звука. Когда мать взглянула на него, то увидела, что мальчик плачет – мучительно, беззвучно – и что он также потрясен и раздавлен страшным известием. Брат, которого он боготворил, умер. Несмотря на юный возраст, Бобби прекрасно это понял и продолжал тихо плакать, даже когда Элис помогла ему одеться и взяла за руку, чтобы отвести вниз.

Остаток дня тоже прошел в слезах. Памела, как и обещала, взяла на себя заботу о детях, а Элис с Джимом поехали в морг. Увидев сына лежащим на холодном металлическом столе, Элис издала дикий утробный вопль и, бросившись вперед, прижала холодное тело к себе. Джиму пришлось чуть ли не силой отрывать ее от Джонни, чтобы увести из зала в офис coronera. Из морга убитые горем родители отправились в похоронное бюро и вернулись

домой только после обеда. Памела приготовила обед, но у Элис кусок не лез в горло, и она через силу заставила себя проглотить несколько ложек супа. Джим и вовсе не стал есть. Вместо того чтобы пообедать, он поднялся наверх, где у него была всегда припасена бутылка джина, и Элис поняла, что к вечеру он снова напьется.

Об аварии и гибели Джонни сообщили в дневном выпуске новостей, и ближе к вечеру в дом Петерсонов стали приходить соседи и друзья, которые приносили еду и выражали свои соболезнования. Элис встречала их одна – Джим, как она и предвидела, был уже сильно пьян, Бобби заперся в своей комнате, а Шарли ушла на задний двор и сидела там под баскетбольным кольцом, обхватив голову руками и молча глядя в пространство.

Одной из первых к Элис пришла Бекки. Выглядела она ужасно. Ее лицо осунулось и побледнело, глаза опухли, и под ними залегли темные круги. Повязка на лбу казалась огромной, как снежный ком. Бекки плакала, говорила, что не может жить без Джонни, и в конце концов Памеле пришлось увезти ее домой.

Впрочем, ее слова выражали то, что чувствовали все.

Следующий день оказался во многих отношениях еще хуже предыдущего, поскольку первоначальный шок отступил и постигшее семью Элис несчастье с каждым часом приобретало все более реальные и страшные черты. В этот день они с Памелой снова съездили в похоронное бюро, чтобы уточнить кое-какие детали, а потом отправились на кладбище. Домой Элис вернулась совершенно измученная, но даже физическая усталость не в силах была заглушить боль, которая терзала ее сердце.

Прощание с Джонни состоялось на третий день. Траурный зал заполнился друзьями, соседями, учителями и родственниками. Произносились проникновенные речи, многие плакали. Эти сутки прошли для Элис словно в тумане – она вряд ли в полной мере осознавала происходящее и чувствовала лишь одно – неослабевающую душевную боль, которую под конец она начала ощущать как боль физическую. Порой ей даже казалось, что, если бы не поддержка друзей, она могла бы просто упасть и умереть, чтобы быть с Джонни, и только Памела, деликатно напоминавшая ей об оставшихся детях, возвращала ее к жизни.

Хоронили Джонни во вторник. И Элис чувствовала себя еще хуже – хотя хуже, казалось, и быть не может. Впоследствии она даже не могла вспомнить никаких подробностей этого дня. В памяти остались только венки и букеты цветов, церковное пение да мыски ее собственных туфель, от которых она никак не могла оторвать взгляд. Все время, пока шла панихида, Элис держала за руку Бобби, а Шарлотта рыдала на плече у матери. Джим тоже плакал; он, впрочем, успел выпить, поэтому его взгляд время от времени непонимающе останавливался на ком-нибудь из присутствующих. Священник произнес трогательную речь, в которой упомянул о всех достоинствах Джонни – о том, каким умным, добрым, отзывчивым молодым человеком он был, как любили его друзья и родители и как он отвечал им взаимностью. Но даже эти прекрасные слова были не в силах умерить страдания, которые испытывали Элис и ее дети. Ничто не могло утешить их и изменить тот факт, что их сына и старшего брата больше нет с ними.

Когда похороны закончились и Петерсоны вернулись домой, все они чувствовали себя так, словно их вселенной пришел конец. Казалось, окружающий мир перестал для них существовать; во всяком случае, в нем не осталось ничего радостного и светлого – ничего, чем стоило бы дорожить. Джонни, милый Джонни оставил их так внезапно! Он ушел слишком рано и слишком неожиданно, и это еще больше усиливало их растерянность и боль, бремя которой было для них невыносимо. И все же они продолжали жить, и во имя детей надо было как-то пережить свалившуюся на них беду, знать бы только, как это сделать. Как, скажите на милость, они смогут жить, зная, что Джонни никогда больше не войдет в двери их дома, не обнимет мать, не пошутит с сестрой и братом? Однако выбора у них не было, и это, наверное, было самым тяжелым и страшным.

В этот день Шарлотта плакала в своей комнате, пока не забылась сном, вконец обессиленная. Бобби не плакал – он только молча лежал в своей комнате, сжимая в кулачке черновик речи, которую Джонни подарил ему в последний день. Впрочем, он тоже был утомлен и заснул довольно скоро, так и не выпустив из рук исписанные братом листки. И только Элис и Джим долго сидели в гостиной и молчали, глядя на сгущающуюся темноту за окном. Оба думали о своем погибшем сыне, пытаясь примириться с абсурдной, чудовищной мыслью о том, что он больше никогда к ним не вернется. Это было невероятно, невысказанно, и тем не менее это было так, и ни Элис, ни Джим не спешили ложиться, боясь остаться наедине со своими мыслями и снами. Вот уже рассвет забрезжил за окнами, а они все сидели в гостиной, не в силах сдвинуться с места. Только в начале четвертого Элис поднялась в спальню и легла. Ее муж остался внизу. Он пил до утра, и, проснувшись, Элис увидела, что Джим так и заснул в гостиной на диване. Рядом на полу валялась пустая бутылка. Глядя на него, Элис горестно вздохнула. Для нее было очевидно, что для них всех наступают трудные времена. Но настанут ли другие времена – этого она даже не могла себе представить. Неужели их жизнь может снова войти в нормальную колею?! Нормально – это когда Джонни каждый день уходит утром в школу и возвращается вечером с работы или с тренировки; нормально – это когда он звонит Бекки, когда сидит за столом, уплетая завтрак, когда целует ее перед уходом и обнимает, вернувшись. Нормально – это когда Джонни улыбается или держит ее за руку, а она целует его или, привстав на цыпочки (таким он был высоким), ерошит его непокорные волосы. Теперь его не стало, и в этом не было ровным счетом ничего нормального, и в глубине души Элис знала, что с этого дня их жизнь изменилась окончательно и бесповоротно.

Глава 3

Четвертого июля, в День независимости, исполнился ровно месяц со дня смерти Джонни. Накануне этого дня Элис получила из фотолаборатории отпечатанные снимки, сделанные на выпускной церемонии. На них был запечатлен Джонни – живой, улыбающийся, невероятно красивый в смокинге и с цветком в петлице. От одного взгляда на эти фото у Элис заболело сердце, но она все же пересилила себя и, вставив три самых удачных снимка в заранее купленные рамочки, поставила одну фотографию в комнате Бобби, другую – в спальне Шарлотты, а третью – у себя. Элис, впрочем, не была уверена, что поступает правильно. Самой ей становилось только хуже, когда она глядела на фотографию, с которой на нее смотрел сын – улыбающийся и счастливый.

Нечего и говорить, что в этом году Петерсоны никак не отмечали праздник, который когда-то был в их семье одним из самых любимых. В предыдущие годы они устраивали для друзей барбекю на открытом воздухе, но теперь это осталось в прошлом. Элис не хотелось никого видеть, потому что, глядя на знакомые лица, она сразу вспоминала похороны Джонни. Какое уж тут веселье! Ни веселиться, ни праздновать, ни улыбаться все они уже давно были не способны. Не только Элис и Джим, но и Шарли с Бобби выглядели так, словно страдали тяжелой болезнью. И в каком-то смысле они действительно были больны; горе лишило их сил, и теперь они не жили, а существовали. Каждый день давался им не легче, чем подъем на Эверест, и по вечерам, за ужином, каждый из них только с грустью отмечал про себя, как скверно выглядят остальные.

Элис потеряла четырнадцать фунтов, глаза у нее ввалились, и под ними залегли черные круги. Однажды в разговоре с Памелой, которая звонила ей чуть ли не каждый день, она призналась, что в последнее время почти не спит. Прележав без сна почти всю ночь, Элис задремывала только около шести, а в семь или в восемь снова просыпалась. Джим проводил все ночи в гостиной; лежа на диване, он потягивал пиво, пока не отключался, а Шарлотта постоянно плакала. Из дома она почти не выходила и даже не посещала тренировки и матчи, хотя юношеский бейсбольный чемпионат был в самом разгаре. Что касалось Бобби, то он еще больше замкнулся в себе. Таким он никогда не был – разве только в первые несколько месяцев после аварии. Теперь на него обрушился еще один шок, и мальчик страдал, похоже, даже сильнее, чем остальные.

Бекки чувствовала себя немногим лучше. Как сказала Памела, всю первую неделю после смерти Джонни она пролежала в постели и очень ослабла. Когда же она наконец вышла на работу в аптеку, хозяин отослал ее обратно, так как девушка едва держалась на ногах. Только в последнюю неделю Бекки начала работать неполный день, однако от нее по-прежнему было мало прока: она постоянно плакала, почти ничего не ела, а от слабости у нее начались головокружения. Бекки часто повторяла, что ей хотелось бы умереть вместе с Джонни, и Памеле иногда даже казалось, что ее дочь задумывается о самоубийстве. Младшие члены семьи Адамс жалели сестру и как могли заботились о ней, но их усилия не приносили результата. Да и им самим тоже не хватало Джонни, который всегда был к ним добр и внимателен.

– Тебе обязательно нужно хоть немного поспать, – сказала Памела, в очередной раз навестив Элис. – Со мной тоже так было, когда погиб Майк: сначала я не могла ни спать, ни есть, но в конце концов сон вернулся. Так и у тебя... Главное, чтобы ты сама не свалилась. В таком состоянии, как у тебя, очень легко заболеть, а что тогда будет с Шарли и Бобби? Ты не думала о том, чтобы принимать снотворное?

Элис уже пыталась глотать таблетки, однако на следующий день после этого чувствовала себя совершенно разбитой. Ей это очень не нравилось, и она отказалась от снотворного, решив больше не прибегать к медикаментам.

– Неужели эта боль никогда не утихнет? – спросила она, чувствуя, как сердце снова сжимается в груди. – Мне кажется, я не смогу переносить эту боль долго, с ней просто невозможно жить.

– Не знаю, что и сказать тебе, Элис, – честно ответила Памела. – Потерять мужа и потерять ребенка – это разные вещи. Ты, конечно, никогда не сможешь забыть о том, что случилось, но мне кажется – со временем что-то должно измениться. Ты научишься с этим жить... как люди учатся жить с одним глазом или с одной рукой.

Но сама Памела до сих пор не смирилась со своей потерей, а ведь со дня гибели Майка прошло больше двух лет. Тем не менее она каждый день находила в себе силы вставать по утрам и заниматься обычными делами. Иногда она даже смеялась и шутила с детьми. Памела не сказала Элис только о том, что в ее жизни больше не было настоящей радости, хотя все ее друзья в один голос твердили, что когда-нибудь счастье снова ей улыбнется.

– Эта боль понемногу будет утихать, Элис, это я знаю, – сказала Памела, но ее слова прозвучали неубедительно, поскольку она и сама не особенно верила тому, что говорила. Почувствовав это, Памела поспешила перевести разговор на другое.

– Как Бобби и Шарлотта? – спросила она.

– Шарли вчера наконец-то отправилась на тренировку. Это в первый раз с тех пор, как... словом, за все это время. Правда, бедняжка не смогла остаться до конца, но тренер сказал, что не станет возражать, если ей вдруг захочется посидеть или даже уйти пораньше. Когда он был в ее возрасте, у него умерла сестра, так что он все хорошо понимает.

– А как Бобби?

– Бобби беспокоит меня, пожалуй, больше всего. Он почти не плачет – только целыми днями лежит на кровати в своей комнате и смотрит в потолок. И молчит, как всегда, молчит. Мне кажется, он еще больше замкнулся в себе, и я боюсь, как бы это не причинило ему вреда, ведь даже взрослым становится легче, если они могут поделиться своим горем с другими или просто выплакаться. Что уж говорить о ребенке!.. Кроме того, он почти не ест. Каждый раз, когда мы садимся за стол, мне приходится долго уговаривать его, а порой просто относить в кухню на руках. Джим считает, что я не должна его баловать, но я просто не могу по-другому. Ведь... – Тут Элис снова разрыдалась и не смогла продолжать. Она хотела рассказать Памеле, с которой после смерти Джонни они стали особенно близки, как тяжело им всем живется и как общая беда, вместо того чтобы сплотить семью, разъединяет их все больше, но ей не хватало слов. Хорошо еще, что у нее была Памела, с которой в последнее время Элис разговаривала чуть не каждый день. Это была ее единственная отдушина.

– Ведь Бобби и Шарли – это все, что у меня есть, – добавила она, с трудом взяв себя в руки. – Джим почти не бывает дома, а когда приходит, он... ну, ты знаешь. В последнее время он стал пить еще больше. Я думаю, для него это своего рода наркоз – он пьет, чтобы ничего не чувствовать. Несколько раз я пыталась с ним поговорить, сказать, что это не выход, но он не хочет ничего слушать. И о Джонни он тоже не хочет разговаривать. Только однажды он сказал, что я должна освободить его комнату, а вещи – раздать. И знаешь, в чем-то Джим, наверное, прав, но я пока не могу себя заставить... А может, и никогда не смогу. Иногда я захожу туда и просто сижу, вдыхаю запах его вещей. Порой мне даже начинает казаться, что, если буду сидеть и ждать достаточно долго, он вернется. Я даже не стала менять простыни на его кровати!.. – Элис неловко усмехнулась. – Я знаю, это звучит странно, но...

– Ничего странного тут нет, и я тебя отлично понимаю, – ответила Памела. И она действительно понимала Элис очень хорошо, сравнительно недавно пройдя через что-то подобное. – Я хранила одежду Майка больше года, а с некоторыми его любимыми рубашками я до сих пор не в силах расстаться, – добавила она.

– Наверное, я была просто не готова, – сказала Элис несчастным голосом. – Мне и в голову не приходило, что Джонни... что его вдруг не станет. Я знала, что подобные вещи случаются, но не верила, что это может произойти с ним... с нами.

Памела понимающе кивнула. Когда умер Майк, она чувствовала себя точно так же. Смерть мужа застигла ее врасплох – ничего подобного она не ожидала. А Элис было еще труднее. В конце концов, Майк все же был зрелым мужчиной, а Джонни не исполнилось и восемнадцати. Кроме того, он был совершенно здоровым, жизнерадостным, всеми любимым молодым человеком, и ожидать, что такой человек может вдруг умереть, не мог никто. Это была настоящая трагедия, чтобы убедиться в этом, Памеле было достаточно взглянуть на свою дочь. Гибель Джонни нанесла Бекки глубокую душевную травму, и ее матери оставалось только надеяться, что со временем она сможет более или менее прийти в себя.

Да, смерть Джонни оставила глубокий след в сердцах многих людей. И удивляться этому не приходилось: чем лучше и достойнее человек, тем больше людей вспоминают его и скорбят, некоторые люди даже говорили Элис, что со временем она может возненавидеть своего старшего сына за то, что он своей смертью причинил родным и близким столько боли. Элис знала, что так порой действительно случается, но не могла поверить, что и с ней произойдет что-то подобное. Конечно, им всем было очень, очень тяжело, но ей и в голову не приходило хоть когда-нибудь обвинить в своих страданиях сына. «Покойся с миром!» – эта ритуальная формула, которую она никогда толком не понимала, теперь обрела для Элис глубокий смысл.

Петерсоны давно собирались провести конец июля на Озере, но теперь об этом не могло быть и речи, и они остались дома. Наступил август, но Элис по-прежнему не могла прийти в себя, спала она очень плохо. К счастью, Джим стал меньше пить: он больше не притрагивался к джину, но вернулся к своей старой привычке усаживаться по вечерам перед телевизором с «шестизарядной» упаковкой пива. Шарлотта снова начала регулярно тренироваться и даже участвовала в нескольких бейсбольных матчах. Элис несколько раз просила Джима сходить и посмотреть на игру дочери, чтобы как-то поддержать ее после всего, что случилось, но Джим отвечал, что у него нет на это времени. Бобби по-прежнему почти все время проводил у себя в комнате, лежа на кровати или сидя у окна и глядя на улицу. Элис пускалась на всевозможные уловки, стараясь выманить его из дома и как-то развлечь, но стоило ей отвернуться или ответить на телефонный звонок, как мальчик снова прокрадывался в свою комнату наверху. По ночам дом Петерсонов и вовсе напоминал гробницу, в которой нет ни одного живого человека, да и днем члены семьи держались сами по себе, обособленно. Элис билась как рыба об лед, стараясь что-то изменить, но все ее усилия не приносили пользы, и она готова была опустить руки. Все чаще и чаще Элис уходила в комнату старшего сына и подолгу сидела там, ни о чем не думая и чувствуя, как сердце ее обливается кровью.

В начале сентября Памела и Элис снова встретились после довольно продолжительного перерыва, в течение которого они общались только по телефону. Пэм сразу бросилось в глаза, что ее подруга выглядит гораздо хуже, чем после похорон Джонни. С тех пор прошло больше трех месяцев, но для Элис, похоже, ничего не изменилось. Черты ее лица обострились страданием и мукой, щеки ввалились, запавшие глаза лихорадочно блестели, тусклые волосы были в беспорядке, да и одета она была кое-как: на джемпере красовалось несколько пятен, а джинсы были порваны и перепачканы землей. Было совершенно очевидно, что Элис по-прежнему пребывает в глубокой депрессии. Когда Памела предложила Элис привести в порядок ее голову, та только покачала головой и ответила, что ей совершенно безразлично, как она выглядит.

Осенью, когда Бобби и Шарли снова пошли в школу, Элис начали мучить острые боли в животе. Приступы были сильными и продолжительными, они повторялись все чаще, и в конце концов Элис рассказала об этом мужу.

Услышав об этом, Джим встревожился.

– Я думаю, тебе нужно как можно скорее обратиться к врачу, – озабоченно сказал он. – Это может быть серьезно!

В последнее время все они стали относиться друг к другу внимательнее. Гибель Джонни напомнила им о бренности их собственного существования, но это беспокойство носило скорее иррациональный, истерический характер. Теперь Элис все время тревожилась за Шарлотту, боясь, что она может покалечиться на тренировке, попасть под машину по дороге из школы или упасть с велосипеда. Повсюду Элис мерещились страшные опасности, угрожающие ее близким, и под гнетом тревог и дурных предчувствий она стремительно теряла последние остатки душевного равновесия. Мир, в котором они еще недавно чувствовали себя так хорошо и уютно, начинал напоминать роковую ловушку.

– Надеюсь, со мной все в порядке, – неуверенно ответила Элис. – А боли... Может быть, это просто нервное?

Она действительно больше беспокоилась о детях, чем о себе. Шарли стали часто донимать головные боли, и подчас такие сильные, что ей уже дважды приходилось отпрашиваться с уроков домой. Бобби был на занятиях только в первый день, а потом вовсе отказался ходить в школу. По утрам он запирался в своей комнате на замок и не выходил оттуда до обеда. К счастью, директор его школы хорошо понимал проблемы детей-инвалидов. Он-то и посоветовал Элис пока оставить сына в покое. Пусть посидит пару недель дома, сказал директор, а дальше будет видно.

Но дальше происходило все то же самое. Что касалось самой Элис, то в последующие несколько недель боли в животе стали беспокоить ее чаще, но она терпела. Ни мужу, ни детям она больше ничего не говорила, полагая, что должна быть сильной, чтобы остальные могли на нее опереться. Так, во всяком случае, она сказала Памеле, которая даже не догадывалась, какую боль терпела Элис. У Памелы, впрочем, и у самой хватало причин для беспокойства. Бекки по-прежнему больше напоминала призрак, чем живого человека, хотя вот уже месяц работала в аптеке на полную ставку. По вечерам, возвращаясь домой, она сидела в своей комнате и плакала. Бекки никуда не ходила, ни с кем не встречалась и даже с братьями и сестрами общалась редко и неохотно. Смерть Джонни оставила в ее душе слишком глубокий след, чтобы она могла хотя бы задуматься о веселье.

С начала учебного года прошло больше месяца, когда однажды ночью с Элис случился еще один приступ. Ей пришлось приложить невероятные усилия, чтобы не закричать от боли и не разбудить Джима, который спал рядом. Ее рубашка мгновенно намочила от пота, голова кружилась. В конце концов Элис не выдержала и, с трудом поднявшись, неверными шагами вышла в коридор. До ванной комнаты она дойти не успела – ее вырвало прямо в коридоре, и она с ужасом увидела на светлом линолеуме яркие пятна крови. Это действительно было серьезно – Элис поняла это по своему опыту работы сиделкой. Нужно было срочно что-то предпринять, но никаких сил у нее не оставалось. С невероятным трудом она все же добралась до ванной комнаты и просидела там несколько часов. Время от времени рвота возобновлялась, и каждый раз Элис выплевывала несколько кровавых сгустков. Когда же уже под утро она попыталась выйти из ванной, чтобы прибраться в коридоре, то едва не упала – ноги не держали ее, и лишь опираясь на стенку, Элис кое-как вернулась в спальню, чтобы разбудить Джима.

Накануне вечером Джим опять выпил, поэтому проснулся не сразу. Стоило ему, однако, увидеть лицо жены, как последний хмель слетел с него в мгновение ока. Элис была не просто бледной – она была зеленой, к тому же на ее ночной рубашке алели следы крови.

– Элис?! Что с тобой? – воскликнул он, садясь на кровати и глядя на нее расширившимися от ужаса глазами.

– Мне плохо, Джим, – ответила она срывающимся шепотом и тут же согнулась от боли. – Очень плохо... – Комната вокруг нее начала стремительно вращаться, и Элис медленно осела на пол. – Очень...

– Элис! Элис!.. – Бросившись к жене, Джим понял, что она потеряла сознание, и тут же набрал номер службы спасения – 911. Казалось, что жизнь оставила Элис, и Джиму пришлось приложить немалые усилия, чтобы взять себя в руки и объяснить медикам, что случилось. Глядя на распростертое на полу тело, Джим впервые заметил, как сильно осунулась и похудела его жена. Мысль о том, что она тоже может умереть, пронзила его как электрическим током, и он с мольбой сказал в трубку: – Приезжайте скорее, пожалуйста... Ей очень плохо.

О том, что он может потерять и жену, Джим старался не думать. Пока он разговаривал с оператором станции «Скорой помощи», Элис зашевелилась, а потом ее снова начало рвать. В сознание она так и не пришла, а на ковре Джим увидел кровь.

– Машина скоро будет, – заверил его оператор и порекомендовал уложить больную на бок. И не успел Джим опуститься рядом с женой на колени, как в конце улицы уже послышался вой сирен «Скорой». Вот он раздался совсем рядом с домом, и Джим бросился вниз, чтобы открыть дверь. Прыгая через две ступеньки, он спустился в прихожую, впустил медиков и повел их наверх. Они уже входили в комнату, где лежала Элис, когда в коридор выглянула Шарлотта. Она была в таком ужасе, что не могла говорить и только безмолвно смотрела на отца. К счастью, Бобби спал и ничего не слышал.

– Что случилось? Что с мамой? – наконец проговорила Шарли, увидев, что медики склонились над телом Элис. Девочка по-прежнему стояла в коридоре, не решаясь войти в комнату, но даже оттуда ей было видно, какое серое и безжизненное лицо у ее матери. – Что случилось, папа? – повторила она и заплакала. – Что с мамой? Она больна? У нее рак?

Рак был ее постоянным кошмаром с тех пор, как от этой болезни скончалась мать одной из ее подружек-одноклассниц.

– Я не знаю, – сдавленным голосом отозвался Джим. – Ее вырвало кровью, а потом она упала и потеряла сознание.

Ему даже не пришло в голову как-то успокоить дочь, которая дрожала от страха. Он слишком беспокоился о жене, чтобы думать о ком-нибудь другом. Все его мысли сосредоточились в эти минуты на Элис – на том, что могло с ней случиться и как они будут жить, если ее не станет.

– Что, что с ней? – спросил он у старшего медика.

– Трудно сейчас сказать, – пожал плечами тот. – Скорее всего, у нее открылась язва, но наверняка можно будет утверждать только после комплексного обследования. Нам придется забрать ее в больницу. Вы поедете с нами? – спросил старший медик, пока двое его коллег укладывали Элис на носилки. Она по-прежнему была без сознания; руки ее дрожали, а по лицу расползалась пугающая бледность, вызванная обильной потерей крови.

– Я... я сейчас... – забормотал Джим и стал оглядываться, разыскивая брюки и ботинки. Натянув свитер, он схватил телефон и набрал номер Памелы Адамс. Когда она ответила, он объяснил ей, что случилось, и попросил прийти, чтобы побыть с детьми, пока он не вернется. Джиму очень не хотелось ее затруднять, но выхода у него не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.